

**«СВОБОДА СОЗДАНА НЕ ТОЛЬКО МУЖСКИМИ РУКАМИ»:
ФЕМИНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
И НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ**

Статья посвящена изучению феминистского движения в России рубежа XIX—XX вв. и его роли в событиях Февраля 1917 г. На основе анализа организационного и идейного развития движения делается вывод о том, что к 1917 г. оно обладало необходимым теоретическим и практическим потенциалом для реализации своей политической программы, а именно завоевания избирательных прав. Показателем мобилизационных способностей российского феминизма в условиях Февральской революции стало проведение женского митинга 19 марта в Петрограде и получение женщинами избирательных прав 21 марта 1917 г. Однако во многом маргинальное положение феминистского движения, а также настороженное отношение к нему властей не позволили его активисткам упрочить и развить эту победу в будущем.

Ключевые слова: феминизм, феминистское движение, мобилизационный ресурс, коллективные действия, избирательные права, Февральская революция.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.4

**S. V. Kradeckaya. “A freedom was created not only by men”:
the feminist movement and the beginning
of revolution in Russia**

The article covers the history of the feminist movement in the Russian Empire at the turn of XIX—XX cc. and its role in the February Revolution of 1917. Analyzing organizational and ideological development of feminism, the author demonstrates that by 1917 feminist organizations had their theoretical and practical potential, which allowed to mobilize a large number of women and implement their political program. The best illustration of the mobilization capacity of Russian feminists was women’s demonstration in Petrograd on the 19th of March and obtaining voting rights for women on the 21st of March. However, the marginal position of the feminist movement in Russia at the beginning of the XX c. and cautious attitude of the authorities didn’t let feminists strengthen and develop their victory in the future.

Key words: feminism, feminist movement, mobilization capacity, collective actions, suffrage, February Revolution.

© Крадецкая С. В., 2017

Крадецкая Сусанна Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент Центра гуманитарного образования, Московский политехнический университет, г. Москва, Россия, susanna.mosca@gmail.com (Cand. Sc., Associate Professor at the Center of Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia).

В историографию Великой российской революции 1917—1922 гг. в последние годы внесены заметные изменения, связанные прежде всего с изучением роли различных социально-демографических групп и соотношения в их действиях факторов стихийности и организованности [Колоницкий, 2001; Анатомия революции, 1994]. Среди неорганизованных, но массовых акторов революции теперь часто упоминаются и женщины, однако авторы работ неустанно повторяют лишь известные факты о том, что женщины сыграли свою роль только в стихийных «хлебных бунтах» первых дней Февраля 1917 г. [Первая мировая война... , 2014]. Встречаются и более радикальные заявления: женщины представляются носительницами неких неконтролируемых начал «социальной истерии», свойственной русской революции [Булдаков, 1997]. Такие оценки часто соседствуют с пренебрежительным отношением к эмпирическому материалу; в итоге же из истории 1917 г. фактически пропадают ключевые события. К одному из них смело можно отнести завоевание женщинами избирательных прав.

Между тем вопрос о том, действительно ли женщины играли в революционных событиях лишь стихийную и «толпообразующую» роль или же их действия были организованы в соответствии с определенной политической культурой, является весьма важным в рамках изучения феномена революции в целом. Это позволяет добавить к общей картине значительные, но забытые элементы, без которых многие эпизоды того знаменательного года останутся непонятыми. Чтобы изменить традиционный ракурс изучения роли женщин в событиях Февраля 1917 г., «вернуть» их истории, нужно выяснить, была ли в это время в России сила, способная организовать «женские массы», создавшая определенную политическую культуру, в рамках которой женщины могли принять осознанное и конструктивное участие в революционных событиях.

Обращение в этой связи к общей истории женского движения в России эвристически полезно. В данном случае необходимо поставить следующие вопросы. Обладало ли российское феминистское движение должным организационным и идеологическим ресурсом, своей политической программой, могли ли феминистки мобилизовать женщин на коллективные действия и достичь успеха? Можно ли проследить динамику развития политической культуры движения, проанализировать действия феминистских организаций в ходе революционных событий и реакцию правительственных структур? Для ответа на эти вопросы следует обратиться к программным документам женских организаций, материалам периодической печати (феминистские журналы), эго-документам.

Данной проблеме уделяли внимание в основном зарубежные историки, особенно Р. Стайтс и Л. Эдмондсон [Стайтс, 2004; Edmondson, 1984]. В их работах впервые были проанализированы не только этапы развития движения, но и накопленный к 1917 г. опыт, его реализация. Р. Ратчайлд и Б. Пиетров-Эннкер продолжили эту исследовательскую традицию, представив скрупулезный обзор деталей истории движения, сочтя 1917 г. его кульминацией [Пиетров-Эннкер, 2005; Ruthchild, 2010]. В последние годы российские ученые внесли свой вклад в изучение истории феминизма в России и его практик в революционное время [Хасбулатова, Гафизова, 2003; Юкина, 2007]. Борьба женщин за права и их завоевание в 1917 г. рассматриваются и с точки зрения гендерной политической

теории как частное проявление общего алгоритма слома «традиционных гендерных логик» [Айвазова, 2009: 5] (см. также: [Айвазова, 2016]). Однако в большинстве работ, посвященных собственно революции 1917 г., участие в ней женщин, и тем более феминисток, игнорируется.

Между тем к 1917 г. за плечами российских «равноправок» уже была многолетняя история.

Ее начало относят к 1860-м гг., когда демократически настроенные общественные деятели, по сути, поставили «женский вопрос». На их глазах зародилось движение, главной целью которого была интеграция женщин в общественную жизнь через образование и профессиональный труд [Пушкарева, 2002; Пьетров-Эннкер, 2005]. «Шестидесятницы» во многом подготовили почву для возникновения и развития российского феминизма, сформулировали важнейшие темы будущего феминистского дискурса (женское образование, женский труд, женское здоровье, права женщин), опробовали на практике новые формы коллективных действий (благотворительные организации женской взаимопомощи). В дальнейшем ряд этих деятельниц продолжали участвовать уже в феминистских акциях, входили в состав крупнейших феминистских организаций, символизируя связь двух этапов развития женского движения.

Рубежным в истории феминизма стало начало XX в., когда под влиянием макроисторических условий движение быстро политизировалось, а его проблемное поле расширилось. К этому привел ряд законодательных инициатив российского правительства, реализованных осенью — зимой 1905 г., в том числе указы от 17 октября и 11 декабря, которые даровали избирательное право мужскому населению империи. Правда, в части Российской империи — Великом княжестве Финляндском — женщины в 1906 г. получили избирательные права, но на основной ее территории они были исключены из пространства публичной политики. Это и вызвало их возмущение. Гендерное «бесправное равенство» российского общества было нарушено уже самим предоставлением особого статуса женщинам на северо-западе [Юкина, 2004: 283], но это лишь способствовало политизации и даже радикализации женщин: «Конец прошлого года не только разрушил надежды женщин на равноправность, но и поставил перед ними в высшей степени удивительный вопрос: могут ли они считаться населением или нет?» [Женщины не признаются... , 1906: 1].

Протесты женщин были поддержаны уже существовавшим к тому времени Русским женским взаимоблаготворительным обществом (1895 г.). Одновременно велась активная работа по созданию новых объединений: Российского союза равноправия женщин (1905 г.), Женской прогрессивной партии (1906 г.), Российской лиги равноправия женщин (1907 г.). Новая ситуация заставляла активисток говорить и действовать по-новому. На первый план вышла идеология защиты женских прав, новая политическая практика, позволившая изменить дискурсивное поле движения, расширить социальный состав участниц.

Идеология защиты интересов и прав женщин стала своеобразной стратегической теорией, нацеленной на трансформацию традиционной социокультурной системы. В основе ее лежала критика патриархатных гендерных ролей, отношений и иерархий [Юкина, 2003: 357]. «Равноправки» призывали к радикальному переустройству общества на началах гендерной симметрии. Первым шагом

на пути такого переустройства было получение женщинами избирательных прав, их участие в законодательстве. При этом активистки считали, что «избирательное право не есть конечная цель женского движения»: «Оно — только ближайшая цель, средство, рычаг к достижению главной цели» [Кальманович, 1908: 2].

Хотя в программных требованиях и тактике российских либерально-феминистских организаций были свои нюансы, общими для всех являлись объект критического анализа (гендерно-неравноправное общество) и оценка положения женщин в настоящем и будущем. По сути, женщина впервые в истории российской общественно-политической мысли признавалась социальным субъектом, наравне с мужчиной имевшим право принимать активное участие во всех сферах жизни общества. Для наилучшего исполнения своих общественных обязанностей она должна была быть начитанна (право на образование), самостоятельна и независима (право на труд), социально активна и ответственна (общественная работа для «оздоровления», переустройства общества): «Современная женщина, в ее передовых типах, гордится не количеством томящихся обожателей, лежащих у ее ног, а количеством самых разнообразных обязанностей, которые она уже способна выполнить» [Кускова, 1908: 2].

Завоеванные женщинами права и приобретенные качества должны были повлиять и на частную жизнь каждой разделяющей новые убеждения, на ее положение в семье. «Новые» женщины не могли вести семейную жизнь в старых рамках. Их «дом» должен был быть реформирован на основе признания принципа свободы женщины. В вопросах, касавшихся семейно-брачных отношений, это предполагало освобождение жены от правовой, экономической, сексуальной и психологической зависимости от мужа (пропагандировался гражданский брак, облегченная практика разводов, изменение внутрисемейных отношений на основе принципов эгалитаризма) [Программа... , 1906; Рутцен, 1908].

Распространяя свои идеи, российские «равноправки» использовали огромный потенциал средств культурной репрезентации движения. С начала XX в. женщины можно было увидеть на публичных мероприятиях (митинги, собрания, публичные лекции, съезды), в этом им помогала и периодическая печать. В 1904 г. врач-гигиенист и лидер Женской прогрессивной партии М. И. Покровская начала издавать журнал «Женский вестник», ставший на следующие 13 лет одной из основных политических трибун «равноправок». В 1907 г. появился новый печатный орган — «Союз женщин»; его редактором и издательницей была М. А. Чехова, лидер Союза равноправия женщин.

Во время публичных мероприятий компоненты феминистского дискурса, конструировавшегося на страницах журналов, проходили своеобразную апробацию. Эти мероприятия были и своеобразной тренировкой для тех, кто не имел опыта общественных дискуссий. Опережая время и современные нам концепции, российские «равноправки» первыми проблематизировали женское «безмолвие» [Коатс, 2005; Пушкарева, 2007], призвав бороться с ним, «откинув ложный стыд и ни на чем не основанную робость, громко высказывать свой взгляд и мнение» [Иванова, 1908: 160].

Посредством статей в периодической печати, выступлений и митингов активистки российского женского движения создавали пространства взаимодействия и коммуникации, общались между собой, делились своими нуждами и интересами,

учились практике общественно-политической работы и борьбы. Сплочение путем речевой коммуникации (непосредственной, как в случае с публичными мероприятиями, или опосредованной публицистическими текстами) порождало у женщин чувство сопричастности общему делу и принадлежности к сообществу женщин, разделяющих убеждения. Его можно обозначить словом «сестринство», хотя этот термин в литературе чаще используется применительно к западному феминизму второй половины XX в. [Брайсон, 2001: 188—201]. Однако анализ идей и практик российских «равноправок», действовавших тремя четвертями века ранее, показывает, что в их среде были попытки сформировать сообщество единомышленниц на основе социальной коммуникации и групповой идентичности, общего опыта борьбы против несправедливости, единого для всех «сестер».

Многие «равноправки» уверенно утверждали, что «общее бесправие может объединить женщин всех классов и побудить их к совместной борьбе за права» [Покровская, 1909а: 2]. Само желание добиться создания подобной общности и убеждение в том, что это, в принципе, возможно благодаря наличию объединяющего всех женщин фактора, свидетельствуют об активном стремлении феминисток найти и реализовать новые формы социальной солидарности, основанные на особом, гендерно-окрашенном варианте коллективной идентичности. Каждая женщина, принимавшая феминистские идеалы «сестринства», могла почувствовать себя частью сплоченной группы, имеющей свои интересы и отстаивающей их.

Результатами политического «взросления» женского движения в начале XX в. были не только изменения в повседневной жизни многих горожанок, начавших следовать новым жизненным ориентирам, но и их готовность к коллективным действиям для отстаивания общегрупповых женских интересов. Феминистки постепенно выходили на новый уровень влияния [Юкина, 2008]. Движение завоевывало все большую популярность, его акции широко освещались в прессе [Юкина, 2007].

К началу Великой российской революции 1917—1922 гг. «равноправки» показали себя и идейно, и организационно готовыми продолжать борьбу. Во главу угла было поставлено движение за политическое равноправие, после его получения предполагались более масштабные перемены. Буквально с начала 1917 г. активистки развернули широкую работу, направленную на достижение своей цели. Они больше не надеялись на то, что мужчины, завоевав себе права, даруют их женщинам. Подобное «роковое заблуждение» осталось в далеком 1905 г. [Кальманович, 1905: 309]. Образованные горожанки стремились заявить о себе как о реальных политических акторах. «Гражданки, требуйте участия женщин в Учредительном собрании. Требуйте предоставления женщинам гражданских и политических прав», — призывали они [Женское дело, 1917: 1].

Характерно, что многие лидеры женских организаций убеждали в необходимости относиться к происходящему с осторожностью, не забывая уроков, полученных женщинами в прошлом. В частности, Покровская уже в первые революционные дни предостерегала своих единомышленниц от чрезмерного доверия по отношению к мужчинам в вопросе получения прав. Лидер Женской прогрессивной партии объясняла это тем, что под словом «всеобщее» мужчины обычно «подразумевают только самих себя» [Покровская, 1917: 40].

Лига равноправия (ставшая к тому времени крупнейшей женской организацией) развернула агитацию, пытаясь наладить диалог с властями. Действовать предполагалось через петиции с резолютивной частью (в которой содержалось требование уточнить позицию по вопросу женских прав). «В эти дни женское движение в Петрограде значительно увеличилось, — вспоминала одна из активисток организации, — толпы женщин осаждали помещение Лиги от утра до поздней ночи. Бесперывно происходили заседания разных групп женщин, объединившихся вокруг Лиги, которая совместно с ними вырабатывала план деятельности в данный момент» [Закута, 1917: 4]. Главным показателем готовности и способности движения к конструктивному участию в революционных событиях стал митинг 19 марта, организованный Лигой при участии различных феминистских и нефеминистских групп.

Лига усиленно и целенаправленно мобилизовывала женщин на митинг [там же: 5—6]. К подготовке удалось привлечь около 90 женских организаций столицы и других городов. Цели акции были конкретны: отказавшись от практики ожидания, «ранопрвки» были решительно настроены получить права, прежде всего избирательные. Провоцирующим и разочаровывающим фактором послужила декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г., в которой заявлялось о подготовке к созыву Учредительного собрания «на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования» и об «отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений в пользовании общественными правами» (цит. по: [Юкина, 2007: 415]). Однако об отмене ограничений по признаку пола не было сказано ничего.

19 марта на улицы Петрограда вышло около 40 тыс. женщин, принадлежавших к разным социальным группам, имевшим разное образование и профессию [Закута, 1917: 6]. Среди них были и интеллигентки (врачи, учительницы), и простые работницы. После митинга состоялось шествие к Таврическому дворцу, где находились штаб-квартиры Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. Одна из участниц шествия отмечала не только блестящую организацию, но и символическое оформление акции. «Впереди — женщины-амазонки на лошадях для поддержания порядка и большое знамя “Российская лига равноправия женщин” и 2 оркестра музыки. Посередине шествия окруженный слушательницами Бестужевских курсов двигался автомобиль, в котором была одна из крупнейших борцов за свободу России — Вера Николаевна Фигнер в сопровождении председательницы совета Российской лиги равноправия женщин П. Н. Шишкиной-Явейн» [там же: 6]. Процессия двигалась под звуки «Марсельезы». Среди баннеров и растяжек иногда мелькали красные флаги [Юкина, 2007: 418].

Очевидно, что лидеры «равноправов» понимали важность внешнего оформления мероприятия, визуального представления не только своих требований, но и их массовой поддержки всей женской половиной населения независимо от социальной принадлежности или политических взглядов. Соединение революционной символики («Марсельеза», красные флаги) с феминистскими лозунгами («Избирательные права женщинам!», «Женщины, объединяйтесь!») должно было еще раз продемонстрировать идеалы «сестринства», доказать, что феминизм — это «идея, равняющая всех» [Покровская, 1909b: 164].

Кульминация митинга наступила, когда женская делегация вошла в Таврический дворец для встречи с властями. По описаниям свидетелей, реакция представителей Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов на требование высказать свое отношение к избирательному праву женщин была нерешительной и разочаровывающей [Закута, 1917: 6—11].

Председатель Совета меньшевик Н. С. Чхеидзе поначалу даже отказывался говорить, ссылаясь на потерю голоса [там же: 7]. Однако «равноправки» не собирались сдаваться. Им удалось добиться устного заверения в поддержке от представителей обеих властей (в стране господствовало двоевластие). 21 марта 1917 г. новая делегация получила подтверждение согласия с требованиями от председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова [Юкина, 2007: 421]. 21 и 26 марта в газетах было опубликовано сообщение о том, что Учредительное собрание будет созвано на началах всеобщего, *без различия пола*, голосования [Избирательные права... , 1917: 71]. В изданном 15 апреля 1917 г. постановлении Временного правительства (приложение 1 к отделу 2, п. 3) значится: «Правом участия в выборах гласных пользуются российские граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение, или состоят там на службе, или же имеют иные, связанные с городом, определенные занятия» [Постановление...].

Официальное положение о выборах было принято 20 июня 1917 г. и вступило в силу закона 11 сентября. Феминистки добились своей цели. При этом они настаивали на том, что само по себе получение избирательных прав не означает окончания борьбы. Скорее наоборот. «Отныне женщина в России свободная гражданка, — писали в «Женском вестнике». — Однако название свободной гражданки не решает еще всего. Наоборот. Это неожиданное право выдвигает перед нами целый ряд функций, с которыми наша обязанность справляться. <...> Со старыми предрассудками многих нам еще немало придется побороться, но в сознании того, что мы — свободные женщины» [Волконовская, 1917: 69—70].

Организация митинга 19 марта и тактика достижения его результатов, безусловно, говорят о сплоченности российских активисток как на идейном, так и на практическом уровне. Большое количество участниц, непосредственно не вовлеченных ранее в женское движение, свидетельствует о той роли, которую феминистская политическая культура играла в общественно-политических событиях того времени, а также о мобилизационном ресурсе российских «равноправок». Даже беглый анализ позволяет сделать вывод о том, что феминизм в России был организованной политической силой со своей идеологией, четкими целями, стратегией их достижения, силой, не только способной мобилизовать женщин на коллективное политическое действие, но и реализовавшей эту способность. Следовательно, тезис о «стихийности» женских выступлений весной 1917 г. может быть отнесен к умышленным искажениям, которых в советской историографии немало.

Вопрос о реакции властей на действия «равноправок» практически не изучен. С одной стороны, желание забыть такую важную страницу российской женской истории, изобразить ее малозначимой деталью в масштабном историческом

полотне Великой русской революции 1917—1922 гг. представляется вполне типичным для патриархатной культуры, где сила женского протеста оценивается как стихийная и деструктивная, а потому опасная и подлежащая контролю. С другой стороны, слабая изученность деталей событий в женской истории 1917 г. показывает маргинальное положение темы в рамках сложного многообразия политических культур, существовавших в начале XX в. Члены Российской лиги равноправия предлагали своим идейным сестрам и вообще женщинам России альтернативный путь, который не связывал их традиционными представлениями о предназначении женщины, но и не уводил в террор и радикализм. В сложных социокультурных условиях эпохи тот ресурс не смог стать полностью востребованным. Неслучайная победа 19—21 марта 1917 г. так и осталась для российских активисток единичной.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Политическое участие женщин: немного истории и теории // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 3—12.
- Айвазова С. Г.* Гендерный ракурс массовой политики // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 24—34.
- Анатомия революции: 1917 г. в России: массы, партии, власть*. СПб.: Глаголь, 1994. 443 с.
- Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
- Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 373 с.
- Волконовская С.* Женщина и демократизм // *Женский вестник*. 1917. № 5—6. С. 69—70.
- Женщины не признаются в России населением* // *Женский вестник*. 1906. № 1. С. 1.
- Женское дело*. 1917. № 6—7.
- Закута О.* Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добила избирательных прав для русских женщин. Пг.: Тип. А. Г. Сытина, 1917. 11 с.
- Иванова.* Астраханский женский клуб // *Женский вестник*. 1908. № 6. С. 159—160.
- Избирательные права женщин* // *Женский вестник*. 1917. № 5—6. С. 71—81.
- Кальманович А. А.* Женское движение за границей // *Женский вестник*. 1905. № 10. С. 309—311.
- Кальманович А. А.* Конечная цель женского движения // *Союз женщин*. 1908. № 9. С. 2—7.
- Коатс Дж.* Женщины, мужчины и язык // *Гендер и язык*. М.: Языки славян. культуры, 2005. С. 33—234.
- Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 347 с.
- Кускова Е.* Женщины и равноправие // *Союз женщин*. 1908. № 12. С. 1—3.
- Первая мировая война и конец Российской империи*. СПб.: Лики России, 2014. Т. 3: Февральская революция. 429 с.
- Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. 444 с.
- Покровская М. И.* Первый Всероссийский женский съезд // *Женский вестник*. 1909а. № 1. С. 1—4.
- Покровская М. И.* Провинция откликнулась // *Женский вестник*. 1909б. № 9. С. 161—167.
- Покровская М. И.* Права женщин // *Женский вестник*. 1917. № 3. С. 40—42.
- Постановление Временного правительства 1917 года о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях. URL: http://vasilievaa.narod.ru/mu/stat_rab/books/mpsf/7-3.htm (дата обращения: 10.01.2017).

- Программа Женской прогрессивной партии // Женский вестник. 1906. № 1. С. 26—29.
- Пушкарева Н. Л. «Дерзкие и беспокойные»: (женская история в России 1801—1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52—66.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496 с.
- Рутцен Л. Фамилия замужней женщины в крестьянской среде // Союз женщин. 1908. № 10. С. 11.
- Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
- Хасбулатова О. А. Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX века). Иваново: Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 255 с.
- Юкина И. И. Идеология российского феминизма первой волны // Социальная история: женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 352—367.
- Юкина И. И. Женское движение в России, ценз пола и суфражизм // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2004. С. 279—300.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Юкина И. И. Всероссийские женские съезды как точки роста феминистского движения в России // Женщина в российском обществе. 2008. № 4. С. 46—53.
- Edmondson L. H. *Feminism in Russia, 1900—1917*. Stanford: Stanford University Press, 1984. 197 p.
- Ruthchild R. G. *Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905—1917*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. 356 p.

References

- Aivazova, S. G. (2009) *Politicheskoe uchastie zhenshchin: nemnogo istorii i teorii* [Political participation of women: some history and theory], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—12.
- Aivazova, S. G. (2016) *Gendernyi rakurs massovoi politiki* [Gender aspect of mass policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 24—34.
- Anatomiia revoliutsii: 1917 g. v Rossii: massy, partii, vlast'* (1994) [Anatomy of revolution: 1917 in Russia: people, parties, regime], St. Petersburg: Glagol'.
- Braïson, V. (2001) *Politicheskaiia teoriia feminizma* [Feminist political theory], Moscow: Ideia-Press.
- Buldaikov, V. P. (1997) *Krasnaia smuta: Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia* [Red smuta: The origin and consequences of the revolutionary violence], Moscow: ROSSPЭN.
- Edmondson, L. H. (1984) *Feminism in Russia, 1900—1917*, Stanford: Stanford University Press.
- Iukina, I. I. (2003) *Ideologiia rossiiskogo feminizma pervoi volny* [The ideology of Russian feminism of the first wave], in: *Sotsial'naia istoriia: Zhenskaia i gendernaia istoriia*, Moscow: ROSSPЭN, pp. 352—367.
- Iukina, I. I. (2004) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii, tsenz pola i sufrazhizm* [The women's movement in Russia, the restriction on gender and suffragism], in: *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem*, St. Petersburg: Alerteia, pp. 279—300.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Alerteia.
- Iukina, I. I. (2008) *Vserossiiskie zhenskie s'ezdy kak tochki rosta feministского dvizheniia v Rossii* [The All-Russian women congresses as the point of growth of feminist movement in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 46—53.

- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [The women's movement in Russia (second half of the XIX — beginning of the XX century)], Ivanovo: Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Koats, Dzh. (2005) Zhenshchiny, muzhchiny i iazyk [Women, men and language], in: *Gender i iazyk*, Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury, pp. 33—234.
- Kolonitskii, B. I. (2001) *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda* [Symbols of power and struggle for power: Studying the political culture of the Russian revolution 1917], St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Pervaia mirovaia voïna i konets Rossiiskoi imperii* (2014) [The First World War and the end of the Russian Empire], St. Petersburg: Liki Rossii, vol. 3.
- Petrov-Ennker, B. (2005) "Novye liudi" Rossii: Razvitie zhenskogo dvizheniia ot istokov do Oktiabr'skoi revoliutsii ["The new people" of Russia: Development of the women's movement from the origins to the October Revolution], Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Pushkareva, N. L. (2002) "Derzkie i bespokoïnye": (Zhenskaia istoriia v Rossii 1801—1905 gg.: formy sotsial'noi aktivnosti) ["Daring and uneasy": (Women's history in Russia 1801—1905: forms of social activity)], *Otechestvennaia istoriia*, no. 6, pp. 52—66.
- Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge], St. Petersburg: Aleteïa.
- Ruthchild R. G. (2010) *Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905—1917*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Staïts, R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860—1930* [The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and Bolshevism, 1860—1930], Moscow: ROSSPĖN.

Статья поступила 04.03.2017 г.